

Армяно-российские отношения накануне выборов в НС РА 2026 г.

Комментарий Центра АРВАК, 13.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует беспрецедентное обострение отношений между Ереваном и Москвой, катализатором которого послужили ереванский саммит «ЕС–Армения» и участие в нем украинского руководства. Рассматриваются процесс демонтажа системы союзнических обязательств, риски выхода Армении из ОДКБ и ЕАЭС, а также перспективы ликвидации 102-й военной базы РФ. Особое внимание уделяется деструктивной роли инерционной стратегии Москвы, которая, игнорируя психологический кризис и экзистенциальные тревоги армянского социума, фактически способствует легитимизации антироссийского курса действующего режима. Рассматриваются механизмы политико-экономического давления и их контрпродуктивность в условиях нарастающей турецко-азербайджанской экспансии. Делается вывод о том, что предстоящие парламентские выборы в Армении станут «рубиконом», определяющим окончательный геополитический выбор республики.

Ключевые слова: Армения, Россия, геополитическая ревизия, ОДКБ, ЕАЭС, Н. Пашинян, региональная безопасность, Южный Кавказ, системный кризис, кризис доверия, парламентские выборы 2026 года.

1. Ереванский саммит как катализатор дипломатического разрыва

Взаимоотношения между Ереваном и Москвой ныне переходят в стадию критического обострения, не имеющего аналогов в новейшей истории. Очередным катализатором деструктивных процессов в дипломатической сфере послужил организованный в армянской столице саммит «ЕС–Армения», открывшийся 04.05.2026. Данное мероприятие было воспринято российским внешнеполитическим ведомством как очередная трибуна для трансляции антироссийских тезисов. Особенно болезненную реакцию в Кремле вызвало присутствие на ереванской встрече В. Зеленского, чьи выпады в адрес РФ, прозвучавшие в преддверии священного для обеих стран Дня Победы, были расценены как демонстративное пренебрежение союзнической этикой и общей исторической памятью.

По оценкам российской стороны, высшее руководство Армении допустило грубое «нарушение взятых обязательств», касающихся воздержания от любых антироссийских демаршей. По всей видимости, внешнеполитическое ведомство РФ апеллирует к итогам переговоров Н. Пашиняна и В. Путина, состоявшихся в Москве 01.04.2026, в ходе которых армянский премьер, вероятно, дал гарантии отсутствия враждебной повестки на предстоящем ереванском форуме. Однако фактическое содержание мероприятия убедило Кремль в обратном, став очередным свидетельством окончательного пересмотра Ереваном основ союзнического взаимодействия и форсированного дрейфа в сторону геополитической ревизии.

2. Идеологическое обоснование внешней политики Н. Пашиняна

Реагируя на волну критики со стороны высокопоставленных представителей РФ, осудивших демонстративное пренебрежение Еревана к экзистенциальным для Москвы аспектам украинского конфликта, с личными разъяснениями выступил Н. Пашинян. Премьер-министр предпочел оставить без внимания обвинения в «нарушении обещаний», однако озвучил программную формулу, согласно которой «Армения не является союзником

России в украинском вопросе». В качестве легитимизирующего фундамента своей позиции Пашинян апеллирует к духу и букве Алма-Атинской декларации от 21.12.1991, акцентируя внимание на принципе незыблемости границ постсоветского пространства. В экспертных и политических кругах Москвы подобный демарш был квалифицирован как окончательная верификация курса армянского руководства на демонтаж системы союзнических обязательств и институционализацию геополитического разрыва.

В общеизвестном смысле перипетии ереванского форума служат наглядной иллюстрацией глубокой деградации межгосударственного диалога и предвестником неминуемой эскалации. Об этом красноречиво свидетельствуют не только антироссийская направленность дискуссий в кулуарах мероприятия, но и последовавший за ними обмен недипломатичными выпадами между политическим истеблишментом Москвы и Еревана. Особо примечательным здесь представляется деструктивный демарш Д. Медведева, спровоцированный контактами армянского премьера с украинским лидером, а также симметрично некорректные реплики А. Симоняна в адрес официального Минска. Несмотря на специфический политический стиль данных фигур, нынешний накал их риторики позволяет констатировать, что стороны вплотную приблизились к роковой черте, за которой институционализация геополитического разрыва становится практически неизбежной.

3. Парламентские выборы и перспектива демонтажа российского военного присутствия

Превалирующее экспертное мнение склоняется к тому, что подлинный «рубикон» в межгосударственных отношениях пролегает не в кулуарах майского саммита, а в дате 8 июня 2026 года, когда будут оглашены итоги парламентской гонки в РА. В случае электорального триумфа партии «Гражданский договор» Кремль прогнозирует неизбежную выплату Ереваном *«политического оброка» «западным кураторам»*, что ознаменуется окончательным демонтажем союзнических связей с РФ и демаршем по выходу из ОДКБ. Логическим завершением этого процесса видятся форсированная эвакуация российских пограничных контингентов и ликвидация 102-й военной базы РФ. Со своей стороны, Москва, вероятно, инициирует симметричные рестрикции, включая исключение республики из ЕАЭС и радикальную ревизию преференциальных режимов в энергетической и торгово-инвестиционной сферах. Подобный сценарий предвещает переход от временного охлаждения к фазе глубокой институциональной конфронтации, сопоставимой с наиболее деструктивными примерами разрыва РФ с прибалтийскими государствами или Грузией периода правления М. Саакашвили.

4. Диверсификация безопасности через нормализацию отношений с Баку и Анкарой

Если прежде в кулуарах Кремля и на Смоленской площади внешнеполитическая стратегия базировалась на *«аксиоматичном убеждении»* в безальтернативности пророссийской ориентации Еревана, продиктованной дефицитом гарантий безопасности и энергетической уязвимостью перед лицом враждебного окружения, то ныне российский истеблишмент демонстрирует явную утрату этой уверенности. Форсируя нормализацию

диалога с Баку и Анкарой через признание территориальной целостности Азербайджана и фактическое нивелирование вопроса международного признания Геноцида, официальный Ереван стремится дезавуировать тезис об экзистенциальных рисках, сопутствующих гипотетическому выводу российского военного контингента. Подобная тактика призвана лишить Москву статуса незаменимого арбитра и подготовить почву для окончательной геополитической ревизии. Параллельно с этим политическая команда Н. Пашиняна демонстрирует готовность к тотальной «дегерметизации» границ ради реализации совместных с Анкарой и Баку проектов в торгово-инвестиционной и энергетической сферах. Подобная стратегия преследует цель диверсификации ресурсной базы и рынков сбыта, что, по замыслу Еревана, должно нивелировать в глазах населения тезис об экзистенциальной угрозе изоляции вследствие выхода из ЕАЭС. Одновременно через аффилированные информационные ресурсы активно транслируется нарратив о «непоколебимых гарантиях» Запада в отношении южнокавказской «мирной повестки». Тем самым формируется иллюзия возможности безболезненной геополитической ревизии и форсированной институциональной интеграции республики в евроатлантические структуры (ЕС, НАТО).

5. Контрпродуктивность политики жесткого давления Москвы

Вместе с тем ключевой аспект проблемы заключается не столько в реалистичности провозглашаемых Н. Пашиняном ориентиров, сколько в эффективности инструментария, посредством которого армянскому социуму транслируется иллюзия существования полноценной альтернативы российскому вектору. Действующее руководство республики небезуспешно внедряет в общественное сознание нарратив о возможности пролонгации режима безопасности и экономического благоденствия без традиционной опоры на Москву. Российский политический истеблишмент и экспертное сообщество, в свою очередь, небезосновательно акцентируют внимание на «утопичности» подобных концепций, сопряженных с экзистенциальными рисками для государственности. Тем не менее парадоксальность сложившихся обстоятельств заключается в том, что на практическом уровне именно шаги Москвы предопределяют рост числа сторонников разрыва союзнических отношений. Подобная линия поведения российской стороны легитимизирует в восприятии граждан проводимый Ереваном курс, направленный на окончательный пересмотр геополитических ориентиров.

Во многом опираясь на деструктивные и лишённые политической чуткости шаги и риторические послылы российской стороны, команда Н. Пашиняна и поддерживающие ее прозападные НПО Армении наращивали в обществе число сторонников смены геополитического вектора. Тем самым они расчищали поле для маневра армянской власти, успешно генерирующей нарративы о том, что именно небрежное отношение Москвы к психологическому кризису, обеспокоенностям и тревогам армянского общества, особенно обострившимся после 2020 г., вынуждает руководство республики ценой крайне болезненного отказа от исторической памяти, вековых национальных «стереотипов» принять «мирную повестку» на максималистских турецко-азербайджанских условиях, предполагающих, помимо прочего, девальвацию роли Москвы как фактора, балансирующего региональные отношения.

6. Эрозия доверия и дефицит искреннего диалога

В общеизвестном смысле именно деструктивная линия Москвы зачастую выступает катализатором расширения электоральной базы *«антироссийского курса Н. Пашиняна»*. Игнорируя собственную долю ответственности, российский истеблишмент предпочитает апеллировать к проискам *«коллективного Запада»* и деятельности узких групп влияния, транслирующих *«русophobic нарративы»*. Подобная риторическая парадигма видится заведомо контрпродуктивной, поскольку она радикально сужает поле маневра для лояльных Москве оппозиционных сил, лишая их возможности объективно артикулировать причины системной деградации межгосударственных связей и взаимных просчетов, породивших кризис доверия. Как следствие, в армянском социуме нарастает кумулятивное раздражение поведением РФ, уклоняющейся от институционализации искреннего диалога, учитывающего экзистенциальные тревоги сторон. В доминирующих установках российских властей и аффилированных экспертных кругов армянское общество по-прежнему фиксирует рецидивы пренебрежительного отношения и использование инструментария политико-экономического давления, что лишь ускоряет процесс геополитической ревизии.

Вместе с тем подобные деструктивные импульсы вызывают симметричное отторжение как у адептов евроатлантической интеграции, так и у тех слоев социума, которые расценивают форсированный геополитический разрыв в угоду турецко-азербайджанским амбициям как прямую угрозу национальной субъектности. В условиях нарастающей конфронтации маргинализируются даже те редкие трезвые оценки российских экспертных кругов, которые указывают на контрпродуктивность политики жесткого давления, игнорирующей глубокий психологический кризис в армянском обществе. Подобная стратегия Москвы, невольно подпитывающая русophobic настроения, радикально диссонирует с декларативной формулой российского истеблишмента, согласно которой *«РФ не отождествляет руководство республики с ее народом»*. Несмотря на то что данный тезис теоретически открывает широкие возможности для институционализации прямого диалога с гражданским обществом Армении, в реальной политической практике этот механизм остается нереализованным, окончательно утрачивая свою функциональность.

7. Сакральные символы и идеологические просчеты российской информационной политики

Красноречивой иллюстрацией дефицита политической чуткости Москвы и ее неспособности к выстраиванию конструктивного диалога с армянским социумом служит перманентная кампания по дискредитации наследия Гарегина Нжде. Российский медийный и экспертный истеблишмент продолжает деструктивные манипуляции вокруг этой сакральной для национального самосознания фигуры, игнорируя тот факт, что личность Нжде остается неоспоримым ценностным ориентиром именно для тех слоев общества, которые выступают категорическими противниками турецко-азербайджанской экспансии и скептически оценивают форсированную вестернизацию республики. Парадоксально, но усилия РФ по *«деконструкции культа»* национального героя фактически солидаризируются с повесткой действующего руководства РА, для которого

национал-центризм Г. Нжде является идеологическим антагонизмом. Тем самым Москва не только подыгрывает политике команды Н. Пашиняна, но и провоцирует кумулятивное отторжение со стороны лояльных союзническому вектору оппозиционных масс, углубляя психологическую пропасть между странами.

8. Инструменты давления на диаспору и реальный сектор экономики

Подобных деструктивных прецедентов в новейшей истории двусторонних связей множество. Та часть армянского общества, которая сохраняет приверженность идее безальтернативности стратегического партнерства с Москвой, пребывает в состоянии глубокой фрустрации, обусловленной очевидной неспособностью российского истеблишмента к глубокой ревизии южнокавказской стратегии. Вместо выстраивания содержательного диалога Кремль продолжает апеллировать к архаичным инструментам «политико-экономического прессинга» и трансляции оторванных от реальности пропагандистских клише. Подобная инерция мышления самым непосредственным образом девальвирует качество жизни рядовых граждан, наглядно демонстрируя утопичность декларативных тезисов о «дифференциации правящего режима и народа» республики. Феноменология этого системного кризиса проявляется в широком спектре деструктивных импульсов, парализующих потенциал союзнического взаимодействия.

Звучащие в ходе политических ток-шоу на российских медиаплощадках некорректные и грубые формулировки относительно Армении способствуют тому, что в российском обществе формируется неблагоприятный фон для нормальной жизнедеятельности выходцев из этой постсоветской республики и местных армян в целом. В медийном поле стали циркулировать данные о том, что российские административные и правоохранительные органы на местах под воздействием пропаганды наращивают давление на сегмент трудовых мигрантов из Армении и мелких предпринимателей, ужесточая условия их пребывания в РФ и ведения бизнеса.

Сообщается, что именно по инициативе федерального центра профильные ведомства РФ инициируют каскад бюрократических препон, парализующих импортные потоки и логистические цепочки из республики. Под предлогом фитосанитарных и регламентных несоответствий осуществляется планомерное давление на товарооборот, дополняемое кулуарным принуждением крупнейших российских холдингов к минимизации кооперации с армянским реальным сектором. Подобная стратегия, позиционируемая как комплекс «предупредительных мер» на фоне системной деградации политического диалога, на практике оборачивается деструктивным ударом по благосостоянию рядовых граждан. Тем самым Москва невольно легитимизирует антироссийский дискурс, трансформируя экономический инструментарий в катализатор эрозии симпатий армянского социума к российскому вектору.

9. Кризис безопасности и паралич механизмов ОДКБ

Очевидно, что изначальная интенция данных шагов заключалась в наглядной верификации статуса Москвы как безальтернативного гаранта финансово-хозяйственной устойчивости республики, чей гипотетический уход неизбежно спровоцировал бы системный коллапс и социальные потрясения. Однако в реальности

подобный комплекс «предупредительных мер» зачастую оборачивается инверсией ожидаемых смыслов, становясь катализатором глубокого скепсиса в армянском обществе относительно истинной направленности российской стратегии.

Тем не менее фундаментальным фактором, определяющим рост антироссийских настроений и радикально сужающим политический инструментарий лояльных Москве сил, остается системный кризис в сфере безопасности. Общественное сознание республики пребывает в состоянии глубокой фрустрации, обусловленной не столько социально-экономическими издержками дипломатического охлаждения, сколько экзистенциальной тревогой перед угрозой новой региональной эскалации. В восприятии армянского социума РФ демонстрирует либо дефицит политической воли, либо неспособность купировать данные вызовы. Если в 2020 г. дистанцирование Москвы от прямого вмешательства в конфликт еще пытались легитимизировать через апелляцию к статусу «*международно признанных территорий Азербайджана*», то последовавшая за этим абсолютная инертность союзника в ответ на акты посягательства на суверенные рубежи РА в 2021–2023 гг. спровоцировала кумулятивный эффект недоверия. Подобная парализация механизмов взаимной поддержки стала катализатором закономерной переоценки союзнической парадигмы в глазах широких слоев населения.

Проявления азербайджанской экспансии не удостоились адекватной реакции ни со стороны Москвы, выступающей гарантом безопасности республики согласно фундаментальным соглашениям 1990-х гг., ни в рамках ОДКБ, чьи институциональные обязательства прямо предписывают коллективную защиту суверенных рубежей. Последовавшие за этим комплиментарные жесты лидеров стран блока в адрес Баку по случаю «*восстановления территориальной целостности*» спровоцировали в армянском обществе глубокую эрозию доверия к данной структуре. Однако подлинная девальвация имиджа организации произошла вследствие уклонения от защиты армянских территорий под предлогом «*неопределенности границ*». Тем самым российский истеблишмент в глазах многих граждан не только проигнорировал ожидания союзника, но и расписался в неспособности либо нежелании обеспечить внутриблоковый консенсус для купирования агрессивных устремлений азербайджанской стороны. Параллельно с этим в широких кругах армянского социума укрепляется убежденность в том, что Москва намеренно уклоняется от исполнения своих прямых обязательств по обеспечению региональной стабильности, де-факто отдавая приоритет интересам Баку в ущерб стратегическому взаимодействию со своим «*традиционным союзником*».

В данной парадигме красноречивым прецедентом служит недавний контакт Н. Пашиняна с В. Зеленским в армянской столице, спровоцировавший каскад критики со стороны РФ. Для армянского социума, включая его умеренно консервативные слои, подобная селективная эмоциональность Москвы видится лишенной политической логики. Примечательно, что российский истеблишмент проигнорировал состоявшийся декадой ранее визит украинского лидера в Габалу для переговоров с И. Алиевым, итогом которых стала институционализация стратегического партнерства сторон в военно-технической сфере. Несмотря на очевидность того, что форсированное украино-азербайджанское сближение и кооперация в производстве высокотехнологичного вооружения носят выраженный антироссийский характер, Москва от симметричных

рестрикции в адрес Баку воздержалась. Подобная алогичность и дефицит последовательности в действиях российской власти лишь усугубляют кризис доверия и способствуют росту кумулятивного раздражения в армянском обществе.

10. Последний шанс на реанимацию союзничества

В контексте вышеуказанных трансформаций апелляция российского политического истеблишмента к институциональным обязательствам Еревана в рамках ОДКБ провоцирует закономерную реакцию отторжения в обществе. Подобный дефицит дипломатической гибкости Москвы эффективно эксплуатируется правящим режимом для легитимизации собственного курса. В сложившейся парадигме инициированная Н. Пашиняном стратегия на «заморозку» взаимодействия с организацией и подготовка к окончательному разрыву союзнических связей воспринимается значительным сегментом гражданского общества как вынужденная и рациональная мера, продиктованная необходимостью защиты государственного суверенитета.

В период после 2023 г. Москва, выступая в качестве номинального гаранта безопасности Еревана и ключевого звена ОДКБ, обладала реальным потенциалом для восстановления своего подорванного авторитета на фоне непрекращающихся экспансионистских притязаний Баку. Однако российское внешнеполитическое ведомство предпочло воздержаться от адекватной вербализации поддержки союзника в ответ на территориальные претензии Азербайджана. Примечательно, что ни кремлевский истеблишмент, ни наднациональные структуры блока никак не реагируют на транслируемые армянским премьером алармистские прогнозы о неизбежности широкомасштабной агрессии в случае электорального фиаско его партии. Между тем озвучивание твердых гарантий со стороны РФ и командования ОДКБ относительно незыблемости суверенных рубежей республики могло бы не только дезавуировать манипулятивную риторику Н. Пашиняна, но и существенно укрепить электоральный потенциал лояльных Москве сил. В текущей парадигме демонстративное бездействие союзника лишь создает дополнительные политические преференции для кругов, стремящихся к форсированной вестернизации и окончательному разрушению двусторонних связей «*в интересах западных игроков*».

Подобная парадоксальность ситуации подталкивает ряд экспертов к гипотезе о том, что верхушка РФ либо определенные властные группировки намеренно торпедируют шансы на реанимацию двустороннего диалога, фактически форсируя выдавливание республики из орбиты влияния Москвы. В данной связи актуализируется вопрос о сопряженности подобной стратегии с подлинными государственными интересами России и о степени вовлеченности в этот процесс внешних акторов.

Конструктивно настроенные политические круги Армении и солидарные с ними социальные слои сохраняют понимание колоссального объема объективных вызовов, стоящих перед Россией. В условиях опосредованного противостояния с альянсом НАТО Москва вынуждена аккумулировать ресурсы для купирования угроз по всему периметру рубежей, стремясь минимизировать риски фатальной эскалации с деструктивными соседями. В текущей геополитической парадигме неоправданное распыление политико-дипломатического потенциала рассматривается как крайне контрпродуктивный шаг. Тем

не менее именно беспрецедентный масштаб актуальных вызовов диктует необходимость предельной аналитической концентрации и прагматизма на армянском векторе, который в кулуарах российского истеблишмента по-прежнему ошибочно квалифицируется как периферийный сегмент внешней политики.

Резюме: конец эпохи «Никуда они не денутся»

Вектор кавказской стратегии Москвы сегодня характеризуется образованием критической лакуны, возникшей вследствие замещения глубокого аналитического прагматизма инерционными механизмами политико-экономического прессинга и эмоциональными демаршами отдельных медийных (и не только) персон. Архаичная и близорукая максима *«Никуда они не денутся»*, долгое время доминировавшая в коридорах Смоленской площади, окончательно опровергнута объективной реальностью. Подобная концептуальная стагнация, сопряженная с демонстративным пренебрежением к экзистенциальным страхам и психологическим травмам нации, пребывающей во враждебном окружении, привела к системной деградации диалога. Будучи историческим носителем державности и номинальным гарантом стабильности региона, именно РФ несет первоочередную ответственность за нынешнюю фазу институционального упадка союзнических связей.

Системное игнорирование армянского фактора, детерминированное влиянием *«псевдоимперских»* концепций в духе А. Дугина, обернулось стратегическим просчетом российской дипломатии, фактически подтолкнувшей Ереван к форсированной геополитической диверсификации при молчаливой поддержке общества. Декларативная формула о разделении правящего режима и народа была реализована лишь в контексте кулуарных договоренностей с Н. Пашиняном, дезавуирование которых ныне трактуется Смоленской площадью как *«вероломство»*. Тем не менее попытки возложить вину за деградацию связей на армянское общество, в отношении которого не проводилось конструктивной политики, несовместимы с принципами истинной державности. Более того, демонстративно некорректная риторика Д. Медведева, преследующая конъюнктурные цели, лишь верифицирует системный кризис внешнеполитического инструментария РФ на некогда наиболее стабильном и предсказуемом для Москвы южнокавказском направлении.

Результаты предстоящего в июне волеизъявления в РА могут послужить фундаментом для реанимации двустороннего армяно-российского взаимодействия, однако с не меньшей вероятностью они могут стать финальным аккордом в истории союзничества. Трагизм текущей парадигмы заключается в том, что именно инерционная стратегия Москвы фактически цементирует электоральные позиции действующего режима, одновременно подрывая потенциал тех общественно-политических сил, которые остаются носителями идеи безальтернативности стратегического партнерства с РФ.